

Баринаова Ирина Александровна, Нестерова Наталия Михайловна, Сергутина Дарья Андреевна
О РЕАЛИЯХ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ И ПРОБЛЕМЕ ИХ ПЕРЕВОДА ИЛИ BEYOND THE THRICE-NINE LAND

Предметом рассмотрения данной статьи является русская народная сказка. Анализируются ее особенности и место в культуре народа; рассматриваются реалии и подходы к их переводу. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с трудностями перевода, в частности перевода безэквивалентной лексики. Проводится анализ различных вариантов перевода реалий на примерах двух известных русских народных сказок. В данной статье сказки и их перевод рассматриваются в контексте национальной и языковой картин мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 49-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'255.2

Предметом рассмотрения данной статьи является русская народная сказка. Анализируются ее особенности и место в культуре народа; рассматриваются реалии и подходы к их переводу. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с трудностями перевода, в частности перевода безэквивалентной лексики. Проводится анализ различных вариантов перевода реалий на примерах двух известных русских народных сказок. В данной статье сказки и их перевод рассматриваются в контексте национальной и языковой картин мира.

Ключевые слова и фразы: сказка; фольклор; языковая картина мира; непереводаемость; безэквивалентная лексика; реалии.

Барينو́ва Ирина Александровна, к. филол. н., доцент
Нестерова Ната́лия Михайловна, д. филол. н., профессор
Сергу́тина Дарья Андреевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
barinova.i.a@yandex.ru; nest-nat@yandex.ru; d-sergutina@ya.ru

О РЕАЛИЯХ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ И ПРОБЛЕМЕ ИХ ПЕРЕВОДА ИЛИ *BEYOND THE THRICE-NINE LAND*

Как известно, сказка, будучи сложным и многогранным литературным явлением, всегда привлекала и привлекает исследователей – литературоведов, лингвистов и переводчиков [2]. В лингвистике она является предметом изучения таких разделов, как лингвофольклористика, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика. Автор одного из самых фундаментальных исследований сказки В. Я. Пропп считал, что наука о сказке должна носить энциклопедический характер: «Область сказки огромна, для её исследования требуется работа нескольких поколений учёных. Изучение сказки – не столько частная дисциплина, сколько **самостоятельная наука энциклопедического характера**» [10, с. 6-7]. (Выделение наше – И. Б., Н. Н., Д. С.).

Энциклопедичность науки о сказке связана с энциклопедичностью самой сказки, именно она является отражением (манифестацией) фольклорной картины, которая тесно связана с национальной картиной, но в то же время эти картины мира отличаются друг от друга.

Как известно, понятие «картина мира» не имеет однозначного толкования. В гуманитарных науках термин «картина мира» впервые появился в работах Л. Витгенштейна, который вполне осознавал его метафоричность и подчеркивал синонимичность психологическому понятию «образ мира». Другие исследователи, в частности В. А. Маслова, считают, что понятие «образ мира» не совпадает с понятиями «языковая картина мира» и «когнитивная картина мира». Исследователь подчеркивает, что «языковая картина мира в главном совпадает с логическим отражением мира, и это ее общечеловеческая часть, а на ее периферии действуют национально-типичные смыслы, как бы “боковое зрение” носителей языка» [8, с. 255]. Таким образом, «картина мира (КМ), как указывает исследователь, – это взаимодействие общечеловеческого, национального и личного» [Там же].

Между КМ как отражением реального мира и языковой картиной мира (ЯКМ) существует разница. ЯКМ не переписывается веками. Такие архаические представления, как «солнце садится» и «дождь идёт», до сих пор находят отражение в языке. И, конечно же, подобные представления часто отражены в сказках народа наряду с одушевлением явлений природы, характерным, для архаичного мировоззрения. Таким образом, с древних времен язык человека формировал его видение мира и отношение к предметам и явлениям действительности. «Так как я открыл для себя мир через язык, я долгое время принимал язык за мир», – писал Ж.-П. Сартр [Цит. по: Там же, с. 256]. Хорошо известны и слова В. фон Гумбольдта о том, что «язык описывает во-круг человека как бы волшебный круг» [Цит. по: 6, с. 71]. Фольклорную картину мира можно тоже назвать «волшебным кругом». Сам термин «фольклор» (англ. *Folklore: folk* – люди, народ, *lore* – традиционные знания) содержит в себе указание именно на «народные знания», на народное видение мира. Фольклорная картина мира складывалась многие тысячелетия, ее становление и развитие связаны с осознанием человеком себя и своих интересов в потоке бытия. Обряды и мифы рождались как форма согласования жизни человека с ритмами и событиями окружающего мира [1]. Именно в фольклорной картине мира свой язык, свои герои, свои реалии.

Язык русской народной сказки как фольклорного текста уникален. Отражая мировидение русского народа, язык сказки содержит так называемую безэквивалентную лексику, в которой отражаются представления русского народа о главных жизненных ценностях: труде, семье, любви, общественном долге, родине. В такой лексике находит свое отражение не только быт, культура, ценности и традиции народа, но и фольклорная картина мира.

Безэквивалентная лексика, как известно, «фотографирует» предметный мир. Это экспрессивная, оценочная лексика, она содержит метафоры, метонимии, фразеологизмы и наименования героев и предметов сказочного/волшебного мира. С такого типа лексикой связаны и те трудности, которые возникают при переводе русских сказок на иностранный язык, поскольку, как уже отмечалось, язык этих текстов уникален, и найти переводческое соответствие представляется непростой задачей. Именно об этом писал в свое время и В. А. Жуковский: «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном» [5].

Все мы хорошо знаем, что в лексике этого «простонародного» языка есть разряд так называемых слов-реалий. Это лексические единицы, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Реалии входят как самостоятельный разряд слов в состав безэквивалентной лексики. Со временем некоторые из них фиксируются в словарях языка перевода. Такие реалии не являются собственно безэквивалентными. Список реалий любого языка более или менее постоянен, не зависит от языка перевода, в то время как словарь безэквивалентной лексики для разных пар языков будет различным. Реалии – это «единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [12, с. 25]. Как известно, термин «реалия» для обозначения национально-специфичного объекта или явления появился еще в первой половине XX века. В это же время делались многочисленные попытки подобрать наиболее точный термин «для обозначения лексических единиц, называющих реалии: “экзотизмы” или “экзотическая лексика”, “локализмы”, “этнографизмы”, “варваризмы”, “бытовые слова”, “ксенизмы”, “ксенонимы”, “культуремы”, “культуронимы”, “лакуны”, но ни один из них не раскрывает полностью содержание понятия “реалия”» [7]. Начало XXI века характеризуется новым подходом к теории реалии, согласно которому каждая реалия обозначает одновременно уникальный предмет или явление, типичное для определенной этнической и языковой общности и не свойственное другой (денотат), его культурный эквивалент (концепт) и средство номинации этого концепта в языке (лексема). Сама реалия как предмет действительности (натурфакт, артефакт) обозначается термином R-реалия (от французского *réalité* – реальность), реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума – термином C-реалия (от французского *concept culturel* – культурный концепт), а средство номинации культурного концепта – термином L-реалия (от французского *lexème* – слово) [11].

В данной статье рассматриваются самые известные реалии русской народной сказки и анализируются их англоязычные переводные соответствия. Русская народная сказка – это целый пласт национальной культуры, в котором собрана многовековая мудрость целого народа. Волшебные народные сказки богаты образами. Героями русской народной волшебной сказки чаще всего становятся мужские образы – Иван-дурак, Иван-царевич, Емеля; женские, например, Елена Прекрасная, Василиса Премудрая, Марья Царевна, а также сказочные персонажи, которые обычно помогают героям (Гуси-лебеди, Царевна-лягушка, Жар-птица). В волшебных сказках часто встречаются демонические персонажи, такие как Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, которые обыкновенно имеют двойственную природу и способны как причинять зло, так и оказывать помощь.

Мифологические персонажи народа мы также относим к реалиям, хотя часто их относят к именам собственным (Дед Мороз, Баба Яга, Жар-птица). Существуют споры о том, что можно отнести к кругу реалий. В переводоведении круг реалий ограничивается апеллятивной лексикой. К числу реалий в переводоведении относят слова, называющие специфические явления природы, эндемики, блюда, напитки, одежду, обувь, жилище и его части, транспортные средства, меры, денежные единицы, учреждения, органы власти, государственные и общественные организации одного народа. Однако существует и более широкое понимание. Некоторые ученые-лингвисты к числу реалий помимо апеллятивной лексики относят ономастические реалии: топонимы, антропонимы, названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны, а также реалии афористического уровня: цитаты, крылатые слова и выражения. Наиболее полная классификация реалий приведена в известной работе С. Влахова и С. Флорина [3].

Перевод реалий занимает особое место в лингвистической науке о переводе, поскольку является одним из самых сложных аспектов перевода. Реалии рассматриваются переводоведением как элементы непереводаемые или труднопереводимые. «Трансляция реалий в другую лингвокультурную среду требует от переводчика, с одной стороны, глубокого знания исходной лингвокультуры, а с другой – профессионального мастерства в выборе средств выражения на языке перевода» [9, с. 76]. Перевод этого разряда лексики не сводится к поиску прямых соответствий в языке, а представляет собой более сложный процесс, состоящий в осмыслении культурного эквивалента и передаче содержания, формы, национального и исторического колорита средствами языка перевода. К сожалению, не существует «идеального рецепта» перевода реалий. Существует два подхода к переводу реалий. Один подход гласит, что реалии нужно переводить так, чтобы получатель читал произведение как близкое своей культуре. Второй подход сводится к погружению получателя в культуру языка источника. «Еще Ф. Шлейермахер, объединив мысли его современников И. Гете, И. Гердера, А. Шлегеля, утверждал, что существует лишь два метода перевода: “Либо переводчик оставляет, насколько это возможно, в покое автора и переносит читателя к нему. Либо он оставляет в покое, насколько это возможно, читателя и переносит к нему автора”. Именно на основе этой оппозиции исследователи выделяют две основные переводческие стратегии – форенизацию и доместикацию, в зависимости от того, стремится ли переводчик сохранить лингвистические и культурные отличия оригинального текста или пытается сделать его более доступным и понятным принимающей культуре» [7, с. 91].

Эти две стратегии используются и при переводе реалий. Как уже отмечалось ранее, реалии – одни из наиболее труднопереводимых элементов языка. В нашей работе мы рассмотрим и проанализируем различные способы их перевода. За основу анализа мы взяли классификацию способов передачи реалий, предложенную М. А. Алексеевой.

1. Приемы механической передачи: транскрибирование (Тк); транслитерирование (Тл); прямой перенос без каких-либо изменений (Пп).

2. Приемы создания нового слова: полное калькирование (пК); частичное калькирование (чК); авторский неологизм (аН).

3. Разъясняющие приемы: описание (О); пояснения (П).

4. Уподобляющие приемы.

Для нашего исследования мы взяли две русские народные волшебные сказки: сказка «Царевна-лягушка» и сказка «Мария Моревна» [13; 14; 15; 16; 17; 19]. Выбор сказок был обусловлен тем, что в них содержатся наиболее типичные и часто встречающиеся реалии русских народных сказок. Объектом исследования послужили сами реалии и их перевод.

Как уже отмечалось, для анализа в данной работе мы выбрали наиболее известные реалии русских сказок. В сказке «Царевна-лягушка» мы рассмотрели перевод таких реалий, как *Василиса Премудрая, за тридцать земель в тридцатое царство тридцатое государство, избушка на курьих ножках, Баба Яга, Кощей Бессмертный*. В сказке «Мария Моревна» был проанализирован перевод реалий *за тридцать земель в тридцатое царство тридцатое государство, Баба Яга*. Анализируемые реалии включают в себя как апеллятивную лексику, так и имена собственные. Как было отмечено ранее, ряд ученых включают имена собственные в круг реалий. Мы будем придерживаться данной позиции. Анализ переводов осложнялся тем, что, будучи частью устного народного творчества, русские варианты сказок варьируются от источника к источнику. Тем не менее большинство реалий все же остаются неизменными.

Рассмотрим реалии и их переводы в сказке «Царевна-лягушка» [17; 18; 19]:

Василиса Премудрая – beautiful maiden; the wise Princess Vassilisa; Vasilisa the Wise.

В первом варианте перевода имя персонажа упущено, тем самым национальный колорит частично утерян. Во втором и третьем вариантах перевода соединены методы транскрипции и частичного калькирования, что позволяет передать получателю характер персонажа, при этом оставляя информацию о его основных качествах.

Следующая реалия – это типичный для многих русских сказок персонаж Баба Яга:

Баба Яга – Grannie; Old woman; Baba Yaga; Baba-Yaga.

Первый вариант перевода представляется неполным и неэквивалентным, так как не передана ни национальная специфика, ни характер героя. Перевод методом использования контекстуального аналога *Old woman* является генерализацией, при этом теряется смысл, полностью утрачивается коннотация. Второй и третий варианты перевода включают в себя метод транскрипции, характерный для перевода имен собственных.

Также можно рассмотреть данную реалию и во второй представленной сказке «Мария Моревна» [14; 15; 16]:

Баба Яга – Baba Yaga; a witch Baba Yaga; the old Baba Yaga.

Второй перевод с использованием транскрипции и пояснения нам кажется более удачным, потому что, сохраняя специфику русской народной сказки, он сохраняет и функцию героя. Баба Яга – персонаж крайне противоречивый.

Баба-Яга – персонаж славянской мифологии и фольклора (особенно волшебной сказки) славянских народов, старуха-чародейка, наделённая магической силой, ведунья, оборотень. По своим свойствам ближе всего к ведьме. Чаще всего – отрицательный персонаж. При этом злобность и агрессивность Бабы-Яги не являются её доминантными чертами, но лишь проявлениями её иррациональной, недетерминированной природы.

Только ознакомившись со многими русскими сказками, где фигурирует данный образ, можно составить впечатление о нем. Исходя из этого, даже перевод *a witch Baba Yaga* можно признать близким, но не совсем точным.

Рассмотрим следующую реалию, а именно жилище Бабы Яги – избушку на курьих ножках в сказке «Царевна-лягушка»:

Избушка на курьих ножках – Little hut; little hut standing on chicken leg; little hut on hen's feet.

В первом варианте перевода переводчик использовал приём частичного опущения, адаптировав непривычный для получателя образ в национально-неспецифичный предмет. Другие переводчики прибегли к функциональному переводу с подбором эквивалентов. Слово *hut* мы считаем достаточно эквивалентным понятию «избушка». В словаре В. И. Даля мы находим: «Избушкой зовут и будку, балагань, сторожку, караулку, маленькое жильё разного вида» [4]. В толковом словаре английского языка указано, что «*hut is a small simple or crude house or shelter*» («маленький простой дом или укрытие») [13]. Однако адекватность второго и третьего вариантов перевода может быть поставлена под сомнение. Существуют различные версии того, почему же избушки в сказках имеют курьи ножки. По одной из версий, древний погребальный обряд включал в себя обкуривание ножек «избы» без окон и дверей, в которую помещали труп или то, что от него осталось. Избушка на курьих ножках в народной фантазии была смоделирована по образу славянского или дославянского погоста – маленького домика мертвых. По данной версии слово «курьи» произошло не от названия птицы, а от слова «обкуривать». Домик ставился на опоры-столбы. В домик мертвых славяне складывали испепеленный прах покойного. Существует мнение, что ножки у избы курьи, то есть принадлежащие курице. Курица – священное животное, непременный атрибут многих магических обрядов. По третьей версии, данный тип избы строился без фундамента, на пеньках, которые издаലെка напоминали большие ноги курицы.

Характерным для русских сказок является описание отдаленного и неопределенного места фразой «за тридцать земель в тридцатом царстве в тридцатом государстве»:

За тридевять земель в тридевятиом царстве в тридесятом государстве – beyond the Thrice-Nine Land; in the thirtieth kingdom beyond three times nine lands; beyond the Thrice-Nine Lands, in the Thrice-Ten Kingdom.

Как мы видим, переводчики в различных вариациях прибегли к калькированию. Однако мы полагаем, что данные конструкции не характерны для языка перевода и даже могут вызвать затруднения в понимании получателем. Такое же выражение мы встречаем и в сказке «Мария Моревна». В первом варианте перевода [16] автор опустил данную реалию и не прибегнул к ее передаче:

За тридевять земель в тридевятиом царстве в тридесятом государстве – Beyond twenty-seven lands, in the thirtieth kingdom; across three times nine lands, in the thirtieth Tsardom.

Здесь стоило бы отметить перевод во втором варианте [14], где автор счел необходимым умножить три на девять. По нашему мнению, эффект такого переводческого решения выглядит довольно комичным, однако не может быть в полной мере оценен получателем. Стоит отметить также, что в варианте второго перевода реалия *царство* адаптирована к англоязычным реалиям (замена чужим аналогом), в третьем же – сохранен колорит русскоязычной культуры (замена своим аналогом) [15].

Еще один персонаж, часто встречающийся в русской сказке – это Кощей Бессмертный. Рассмотрим варианты перевода этой реалии в сказке «Царевна-лягушка» [17; 18; 19]:

Кощей Бессмертный – Koschei the Deathless; Kashchey the Deathless; the Wizard; Koshchei.

В первом и втором вариантах перевода, так же как и в случае с Василисой, использована транскрипция как прием, характерный для собственных имен. При этом благодаря частичному калькированию «Бессмертный» не теряется важная характеристика Кощея. Различия в транскрипции имени можно объяснить тем, что, являясь объектом устного народного творчества, сказка фиксировалась в письменном виде разными авторами и написание слова «Кощей» также имеет вариации в русском языке. Перевод *the Wizard* в третьем источнике мы считаем слишком генерализированным и не точно отражающим данный образ, как и в случае с Бабой Ягой.

Таким образом, можно сказать, что неперебиваемые элементы языка, а именно безэквивалентная лексика и, в частности, реалии, отражают культуру языка. Они являются частью фольклорной картины мира. В них заложены обычаи и характер народа, поэтому их передача на другой язык до сих пор остается одной из самых важных, трудных и неоднозначных задач переводчика. Однако именно различия фольклорных картин мира и элементов языка, отсутствие их эквивалентов в другом языке позволяют лучше понять и увидеть свой собственный язык, его особенности, которые могут быть незаметными для нас на первый взгляд.

Список литературы

1. Алексеева М. Л. Теория и практика перевода: реалии: учеб. пособие для студентов вузов. Екатеринбург: УрГПУ, 2008. 225 с.
2. Атлас А. З. Культурная память: сказка как механизм хранения и передачи информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54): в 4-х ч. Ч. 1. С. 24-26.
3. Влахов С., Флорин С. Неперебиваемое в переводе / под ред. Вл. Россельса. М.: Р. Валент, 2012. 360 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Терра, 1995. Т. 2. 779 с.
5. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0360.shtml (дата обращения: 01.02.2016).
6. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 464 с.
7. Корнаухова Н. Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 3 (15). С. 90-96.
8. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
9. Нестерова Н. М., Соболева О. В. Реалии «усадебного мира» А. П. Чехова в зеркале английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32 (286). С. 76-81.
10. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
11. Фененко Н. А. Лингвистический статус термина реалия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2-1. С. 5-9.
12. Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского. М.: Прогресс, 1973. 337 с.
13. Academic dictionaries and encyclopedias: Useful English dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://useful_english.enacademic.com/66715/hut (дата обращения: 01.02.2016).
14. Maria Morevna [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-crafts.com/russian-folk-tales/maria-morevna.html> (дата обращения: 01.02.2016).
15. Maria Morevna [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artrusse.ca/FairyTales/morevna.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
16. Maria Morevna [Электронный ресурс]. URL: <http://www.surlalunefairytales.com/russian/russianwonder tales/mariamorevna.html> (дата обращения: 01.02.2016).
17. Princess Frog [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-crafts.com/russian-folk-tales/princess-frog.html> (дата обращения: 01.02.2016).
18. The Frog Princess [Электронный ресурс]. URL: <http://nota.triwe.net/children/tales/frog-princess.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
19. The Frog Princess [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artrusse.ca/fairytales/frog-princess.htm> (дата обращения: 01.02.2016).

**ON THE REALITIES OF A RUSSIAN FOLK TALE AND THE PROBLEM
OF THEIR TRANSLATION OR *BEYOND THE THRICE-NINE LAND***

Barinova Irina Aleksandrovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor
Nesterova Nataliya Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Sergutina Dar'ya Andreevna

Perm National Research Polytechnic University
barinova.i.a@yandex.ru; nest-nat@yandex.ru; d-sergutina@ya.ru

The subject of examination of this article is the Russian folk fairy-tale. Its peculiarities and place in the nation's culture are analyzed; realities and approaches to their translation are considered. Special attention is paid to the problems connected with the difficulties of translation, in particular the translation of culture-specific vocabulary. The analysis of different variants of the translation of realities by the examples of two famous Russian folk fairy-tales is conducted. In the paper fairy-tales and their translation are examined in the context of national and language worldview.

Key words and phrases: fairy-tale; folklore; language worldview; untranslatability; culture-specific vocabulary; realities.

УДК 81-139

В статье рассматриваются аспекты функционально-коммуникативного анализа явления контекстуальной парадигмы на материале русских наречий. Контекстуальная парадигма каждой конкретной адвербиальной единицы является реализацией трансформационной парадигмы предложения, в основе которой лежат интерпретационные механизмы. Исследование данного явления в рамках понятия контекстуальной парадигмы выявляет особенности синтаксических трансформаций русских предложений, а также раскрывает текстовый потенциал наречий русского языка как одного из наименее изученного категориального класса слов.

Ключевые слова и фразы: контекстуальная парадигма; контекстуальные корреляты; интерпретационная парадигма предложения; трансформационные механизмы; наречие.

Бурова Александра Алексеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
iskandero33@mail.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
В ЯВЛЕНИИ КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ РУССКИХ НАРЕЧИЙ**

Одним из способов систематизации языковых единиц, свидетельствующей об упорядоченности как языка в целом, так и его отдельных областей, является парадигматика. В современной лингвистике доказанным является тот факт, что парадигматика свойственна лишь изменяемым языковым единицам. Например, морфологическая парадигма как ряд противопоставленных друг другу форм словоизменения присуща только самостоятельным изменяемым частям речи – именам существительным, прилагательным, числительным, местоимениям, глаголам, причастиям [4].

Категориальный класс наречий, являющийся также одной из самостоятельных частей речи, относят к неизменяемым единицам и отказывают им в праве иметь морфологическую парадигму. Однако есть основания полагать, что они обладают парадигмами принципиально иного рода.

В рамках понятия парадигматики в функциональной грамматике были выделены конкретные парадигмы, присущие словам в языке, а именно позиционная, коммуникативная и контекстуальная парадигмы. В результате языковых исследований был выявлен тот факт, что слова неизменяемых частей речи могут обладать такими парадигмами при отсутствии у них парадигмы морфологической. В данной работе рассматривается контекстуальная парадигма русских наречий как неизменяемого класса слов.

Понятие «контекстуальная парадигма» слова является относительно новым в современной науке. Оно было введено в 2007 году [5] и базируется на понятии текстовой парадигмы, которое впервые было использовано М. В. Всеволодовой применительно к предлогу и предложным образованиям [3]. Ф. И. Панков вводит сходное, но всё же принципиально иное понятие КП слова на материале русских наречий [5].

Контекстуальная парадигма (далее – КП) – явление, промежуточное между уровнем слова и уровнем предложения. КП категориального класса слов включает исходное изосемическое слово в составе изосемической изоморфной конструкции и его контекстуальные корреляты, включая неизосемические [6].

Главный признак, объединяющий разные члены КП слова, – это общность передаваемого ими денотативного содержания, т.е. явления внеязыковой действительности [Там же]. Простейшим примером может служить КП наречия *плавно*, которая включает 1) исходное слово – наречие *плавно* в составе изосемической изоморфной конструкции, например: *Бальные танцоры двигаются плавно*; а также 2) полное имя прилагательное в составе неизосемической конструкции: *У бальных танцоров плавные движения*; *Движения бальных танцоров плавные*; или 3) краткое прилагательное: *Движения бальных танцоров плавны*; 4) имя существительное *плавность* в именительном падеже в составе неизосемической конструкции: *Для бальных танцоров характерна плавность движений*; 5) дескрипция в составе неизосемической конструкции: *Движения бальных танцоров отличаются плавностью*. Таким образом, КП наречия *плавно* включает, по крайней мере, пять членов.